

Наталия Филимошкина

Сумерки царей

Наталия Владимировна Филимошкина

Сумерки царей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507054

Аннотация

Древний Египет. Вселенская умиротворенность и речная прохлада Нила. Древние тысячелетние традиции и сиюминутная страсть молодого принца, внесшая раскол в царскую семью. Умиравший фараон, жестокий и сентиментальный, гордый и злопамятный. Вспоминая прошлое и размышляя о нем, Рамзес подводит итог жизни. Одиночество – расплата и бремя власти, ради которой царь пролил кровь родных и близких, а путь к трону – пляска на костях. Страна пребывает в ожидании, что наконец-то избавится от жестокого тирана. Но... воля и характер этого неординарного человека оказываются сильнее смертельного ранения. Фараон выздоравливает. Это становится ударом для царственной супруги Калы. Она идет на отчаянный шаг. Когда кончается добро и начинается зло? Что предшествует преступным злодеяниям – мысль или желание? Прошлое и настоящее, жизнь и смерть, интриги и благородство, переплетаясь, словно зеркало отражают путь и сердце тирана, провозгласившего своей ценностью власть.

Наталия Филимошкина

Сумерки царей

То, что ты сам по себе, есть суть твоего бытия.
Аристотель.

*Лучше умереть по всем правилам, нежели
выздороветь против правил.*
Ж-Б Мольер.

Я умирал.

Умирал медленно и мучительно.

Жутко и противно.

В покоех, где я вырос и провел большую часть жизни, я думал о том, что если смогу выжить...

Если выживу.

Неужели и боги должны выживать?

Выживать, жевать... Жевать, чтобы выживать.

Чепуха какая-то!

Я тяжело переворачиваюсь на правый бок. Грудь сдавливает, ноги сводит судорогой. Я был ранен пять раз, и никогда не относился к этому серьезно. Я просто не боялся смерти.

Но теперь она рядом. Близко.

Но я то знаю, что не умру! Боги не умирают. Они бессмертны!

А я – бог.

Тогда почему мне сейчас страшно?

– Мне... страшно...

И я по слогам произношу эти слова. Вслух. Чтобы быть услышанным собою. И выпустить страх в мир.

И в этом я могу признаться только себе.

Люди, с которыми я мог об этом поговорить, увы, давно в Стране Запада. Одних я отравил, других убил. Жаль. А ведь именно сейчас они мне и нужны.

М-м-м... Опять этот приступ боли.

Где же взять силы, чтобы превозмочь боль? Неужели боль, физическая боль может быть сильнее меня?

Неужели такое возможно?

Почему Ра не помогает мне?

Где же чудесное исцеление? Где могущество, которым так славятся боги? Или мир признает и считается только со здоровыми и сильными? Но ведь я бог этого мира! Тогда почему мир отказывается от меня? Неужели он может быть сильнее меня?

Глупые, глупые мысли. Они раздражают меня. Они делают меня злым.

А наставник всегда говорил, злоба – обратная сторона слабости.

Неужели я стал слаб?

Уберите. Кто-нибудь, уберите от меня эти мысли! Уничтожьте их!

Не слышат. Никто меня не слышит! Где же все? Ах, да,

ведь я просто не могу кричать. Просто не могу... Грудь...
Что-то сдавливает грудь...

Сейчас... Сейчас, я кого-нибудь позову.

Я... я смогу...

– Пафнутий.

Но ведь это не крик, это шепот. Неужели этот тихий и слабый голос мой?

Неужели голос бога может быть так похож на писк?

А-а-а! Какая боль...

Где же Пафнутий? А – а-а, вот и он. Наконец-то...

Мой верный слуга, мой любимец.

Он нежно смотрит на меня.

Ни одна женщина не умела вот так смотреть. Может, поэтому я ни одну и не любил?

А Пафнутия люблю.

Его холодные пальцы осторожно прикасаются к моему горячему челу. О-о-о, какое это облегчение. Он все понимает, все знает.

Он сейчас поможет мне.

Слуга спасает бога.

Как часто судьба любит насмехаться, а может подшучивать? Ведь в чувстве юмора судьбе не откажешь.

Но я прощаю ей это.

Потому что у меня хорошая судьба.

Стоило моей матери оступиться – и она никогда не стала бы женой бога, сына солнца Амона-Ра, а я – сыном фараона.

Пафнутий осторожно перевязывает мою рану. Его лицо серьезное и усталое. Он знает, чтобы я смог встать на ноги, должно пройти много времени и затрачено много усилий.

А есть ли оно у меня?

Время...

Когда-то его было так много, что я не задумываясь тратил дни и годы.

Думал, что буду... Впрочем, какая разница, что я думал тогда.

Я тяжело вздыхаю и прикрываю глаза. Я отдаю свое тело боли. Я в муке и беде. Приступ боли усиливается, и в какой-то момент я начинаю кричать.

* * *

Лежа на циновках, братья заморожено рассматривали белоснежные облака. В пронзительно голубой синеве они образовывали странные причудливые фигуры, то необыкновенных животных, то людей, а то и просто неизвестные острова с вычурными дворцами. Вселенский покой царил на земле. Все было как всегда, как обычно. Между богами и людьми полная гармония: цари правили подданными, а высшие силы управляли царями. Иного и желать невозможно. Немногочисленная каста избранных с голубой кровью посвященная в таинства и сказания богов возвращивала себе подобных с усердием, а порою жестокостью. Сын царя не имел права

быть человеком, а человеческий сын не мог желать стать царем. Так было испокон веков, утверждали жрецы. Но иногда появлялся некто, кто стремился разрушить древний миропорядок. Порою это получалось. И тогда разрушитель платил кровью и одиночеством. Но могли ли детские сердца беспокоить столь сложные вопросы? Сыновья фараона наслаждались вселенской умиротворенностью, почестями и обожанием придворных. Старшему принцу доставалось больше любви и удачи на охоте и в состязаниях. Жрецы утверждали, только он должен стать приемником фараона. Благословение богов подаренное мальчику небесами обязательно прольется благодатным дождем над Красной и Черной землей.

– Я не хочу быть царем, – неожиданно прошептал Аменхет.

– Не хочешь? – младший брат приподнялся на локте. – Это глупо, – пришлось добавить ему. – Но сердце сладко замерло.

– Тогда я буду редко видеть облака и небо. А я хочу познать мир, другие земли, страны, народы понимаешь?

– Угу.

– А ты хочешь быть царем?

Младший утвердительно кивнул.

– И чем же тебя притягивает напиток власти?

– Просто хочу и все, – но на самом деле все было не просто. Рамзес видел в этом единственную возможность доказать отцу, что он чего-то стоит. Что он не слабый и не глу-

пый, он многое может. И небеса готовы делиться с ним любовью и удачей не меньше, чем с братом.

– Странно...

– Ничего странного! – вызывающе произнес Рамзес. Он вспыхнул словно фитиль. Почему над глупостями брата никто не смеется, а его самое обыкновенное желание – и уже странное! – Мой отец царь!

Аменемхет усмехнулся.

– Бедный братец, ты никогда не станешь царем, согласно традициям ты далеко от трона.

Рамзес горько поджал губы. Конечно, он знал об этом, но желание было сильнее. Пребывая в детской наивности, он верил, что сможет убедить брата отказаться от власти. Подвинув циновку ближе к Аменемхету, он небрежно произнес:

– Но ты же не хочешь...

Аменемхет притворно вздохнул.

– Это я сейчас не хочу, а потом захочу. Пойдем лучше купаться.

Рамзес украдкой бросил взгляд на брата, в нем смешалось все – отчаяние, разбитая мечта, зависть. Старая служанка часто рассказывала на ночь сказки. И в них все было просто. Герой всегда чем-то жертвовал во имя дружбы или родственных уз. В их семье это было не принято. Все подчинялись воле фараона, даже если она была глупа или самодурна.

Оставив циновки на траве, братья пошли к Нилу. Вода бы-

ла прохладной, но Аменемхет не смутился, он смело вошел в реку. Его личной храбростью восхищался фараон. Наследному принцу пророчили судьбу великого и отважного воина.

– Рамзес, ну что ты стоишь, – крикнул он брату, в нерешительности переминавшемся с ноги на ногу.

Тот махнул рукой.

– Я не буду сегодня плавать.

– Что ж, как угодно сердцу.

Рамзес лег на песок. Как отважен Аменемхет! Он не испугался холодной воды, его не страшит глубина, он готов сражаться с крокодилами и чудовищами. Когда же к нему придет смелость? В бездонной синеве все так же неторопливо плыли облака. Хорошо богам! Живут себе на небе, правят людьми и, нет у них никакого закона о престолонаследии. Глаза закрылись сами собой. Мягкая тишина дворцового сада обволакивала, убаюкивала. Во сне весь мир был у его ног, а он сильный и ловкий чем-то хвастался перед братом. Мальчик вздрогнул и проснулся.

– Рамзес..., – услышал он испуганный голос.

Рамзес вскочил на ноги.

– Рамзес, Рамзес... – из последних сил крикнул Аменемхет, и его голова скрылась в темно-синей глади Нила.

Не раздумывая, мальчик бросился в воду. Сердце бешено колотилось. Только бы успеть... Но руки и ноги с трудом слушались его. О себе он не думал, не переживал, не до того было. Страшная мысль, что он может потерять брата, наве-

ки остаться один, подгоняла, придавала сил. Быстрее, быстрее... Взмах руки, вдох, выдох... Быстрее, быстрее... Брат в беде. Вдох.

Схватив Аменемхета под мышки, Рамзес поплыл к берегу. Почему-то именно сейчас брат показался невероятно тяжелым. Заныла левая рука, дыхание стало сбиваться. Нельзя сдаваться, нельзя! Брат в беде. Вдох, выдох, глоток воды, еще чуть-чуть, совсем немного.

Тяжело дыша, братья лежали на песке.

– Что с тобой произошло? – через какое-то время спросил Рамзес.

– Ногу свело.

Отлежавшись и немного придя в себя, братья медленно пошли ко дворцу. Рамзес крепко обнимал Аменемхета, буд-то боялся, что с ним опять может что-то случиться.

* * *

Что это?

Где я?

Белесый туман, чья-то высокая тень надо мной...

А-а, это Пафнутий...

Его пальцы скользят по моему телу, мягко втирая мазь в кожу.

Заметив, что я открыл глаза, он наклоняется к моему лицу. Он не может говорить.

Когда-то я отрезал ему язык. Зачем? Язык – это враг, а для чего человеку нужен такой заклятый враг?

Пафнутий корчит гримасы.

Все правильно. Я потерял сознание и пролежал так всю ночь.

Но теперь мне лучше.

Ради слуги, я – царь Верхнего и Нижнего Кемета, воплощение бога на земле, выучил язык немых. Он единственный смертный во всем моем царстве, для которого я готов что-то сделать.

Жестами я даю понять Пафнутию, чтобы вечером он собрал совет, а сейчас привел лекаря.

Он уходит. И в моих покоях наступает тревожная тишина.

У меня нет желания читать донесения тайной службы, я все знаю: готовится заговор. Я чувствую это кожей.

Несколько свертков папируса лежат на столике из слоновой кости. Они испещрены иероглифами. В них имена предателей. Я всегда окружен врагами, каждое мгновение.

Но кара моя настигнет всех в любом случае – буду я жив или, может быть, мертв. И тот, кто это понял, уже давно покинул пределы моего царства.

Я долго лежу без сна. Ведь мне некуда торопиться.

Это молодые спешат уснуть, чтобы на рассвете, с обновленными силами встретить новый день жизни. Но для чего? Видимо я старею, раз не чувствую смыслов. А может быть, смертные сны Анубиса притупляют мой вкус к грядущему?

Я прислушиваюсь к шелесту финиковых пальм за окном, к пению цикад, к ночной жизни царского сада, такого же древнего, как и моя земля.

Мне нравится быть одиноким ночью. Я предоставлен сам себе.

Глупцы те, кто считают, что цари всегда предоставлены сами себе.

Ложь.

Только ночью мы можем позволить себе быть самими собою. Это наше время. И наша царская роскошь.

В рассветных сумерках проступают настенные росписи. Очень хорошо видна моя боевая колесница, немного выше, над ней, – корона, а в зияющей темноте между ними – я. Как всегда – невидимый и одинокий. Уже не первый рассвет я смотрю на эту роспись и все никак не могу понять, что тянет меня в эту пустоту?

Потом я сознаю, что сегодня ночью дыхание Анубиса могло коснуться меня.

Но странно, я почему-то уже не чувствую страха.

Может потому, что вчера, мои последние мысли были об отце. Мне всегда становится спокойнее, когда я думаю о нем.

Ведь пророчество не сбылось.

Победил я.

Я стал фараоном.

Теперь бог я, а не отец.

Он умер страшно. В муках.

Но ведь иначе я и не смог бы занять трон.

Его тело забальзамировали и со всеми почестями похоронили. Он в Долине Царей, как и подобает любимому отцу и сыну Ра. Его гробница находится в пирамиде, которую строили двадцать разливов Нила. Ровно половину его жизни.

Я тихо улыбаюсь.

Тому, кто подобное не пережил, не понять моей радости.

Я слышу чьи-то шаги. Идут двое.

Это Пафнутий вернулся с лекарем.

Меня осматривают, ощупывают.

Долго спрашивают.

Я отвечаю с трудом. Но отвечаю.

Я чувствую себя гораздо лучше и сильнее, чем вчера.

Неужели я выздоравливаю?

День прошел хорошо. Я немного поел, не без помощи Пафнутия конечно. Мой славный Пафнутий понимает, как это оскорбляет меня, поэтому и убеждает всех, что я делаю все сам. Те, кто находятся сейчас за моими покоем, не верят, что я умираю.

Они верят тому, что фараон вскоре поправится и вновь начнется прежняя жизнь.

Они все жаждут прежней жизни. Спокойной и размеренной. Люди боятся перемен, потому что никогда не знают, что последует за ними: благоденствие или разрушение.

Ведь они не боги, всего лишь люди.

И я прощаю им эту слабость.

Лишь бы слабость не переросла в слепую силу, а затем в могущество. Ибо очень часто, могущество происходит из слабости одного и невежества другого.

Эти мысли утомляют меня.

Никогда так много не думаешь, как во время болезни или перед кончиной.

У меня закрываются глаза.

Когда я проснулся, был уже вечер.

Я приказываю вынести себя на террасу.

Мое лицо обдувает теплый южный ветер.

Все небо залито сияющим с переливами пурпурным светом.

Закат.

Влажный прохладный, вечерний воздух, словно царская чаша наполнен запахом речной воды.

Это Нил.

Мой божественный животворящий Нил. Моя Большая река.

Как же мне хочется приподняться и увидеть ее спокойную голубую гладь. Рассмотреть древний город, который строили за тысячу лет до меня, мои предки. Насладиться красотой рукотворных оазисов.

Но нет, я не могу подняться. У меня еще слишком мало сил.

Что ж, еще успею насмотреться на свои владения.

И насладиться ими.

Я успокаиваюсь. И весь отдаюсь звукам и запахам жизни.
Иногда я слышу песнь гребцов, иногда крики птиц.
И тогда я чувствую себя частью событий происходящих в вечности.

Потому что я тоже здесь. Рядом.
Я свидетель того, что сейчас происходит в мире.
Но мне не дано знать того, что сейчас происходит на небе.
Мне остается лишь догадываться.

Я – земной бог. И мой удел земля.
Но кто из нас царей не мечтал и о небе?
И почему-то от этих мыслей мне не становится грустно,
как бывало не раз.

Я смотрю на облака, потрясающие величием и мощью, я вижу красивый и свободный полет сокола, слышу голоса людей, иногда вызывающие во мне умиление и любовь.

И почти забываю о том, что одинок.

Я вспоминаю гимн-восхваление Ра, и тихо напеваю его.

Сильный, ты ежедневно паришь над небом
И над земною твердью.

Сердце твое исполнено безмятежной
Радости в час небесного восхождения.
Дивный ты правишь всеми богами мира.
В ярком сиянии ты обретаешь радость,
Ибо огнем покаран был змей зловещий.
Да возликует сердце твое навеки!

Нут, богоматерь, почести принимает,
Что воздаст ей Нут, твой родитель гордый.

Входит Пафнутий, жестами давая понять, что Кала, дети, Мефис и номарх пришли.

Начинает болеть голова.

Я чувствую, как сказочная прелесть умиротворенного вечера разбивается обо что-то холодное и твердое. Прилив злости, ненависти и гнева наполняет меня.

Они должны были прийти.

Но я уже не могу совладать с собой.

Мне было слишком хорошо, чтобы сейчас легко отдать то счастье, которое недавно наполняло мою душу. Как всегда мне не дали побыть наедине со Вселенной.

Как же много надо теперь сил. Ведь пришли те, в глазах которых я прочту надежду.

Они надеются, что я скоро умру.

Они совсем не знают, что я могу прочесть это в их глазах.

Они думают, что тот, кто умирает, становится глупым и беспомощным.

Но об этой своей ошибке, они узнают лишь тогда, когда сами будут на пороге дома смерти Анубиса.

Итак... Пафнутий вводит их.

И я вижу только Калу.

Мы стали мужем и женой, когда мне было шестнадцать, а ей восемь.

Маленькая, хрупкая девочка с большими черными глазами, с лицом богини Исида. В нашу первую ночь любви я взял ее силой.

Надо мной нет никого.

Ведь я равен Ра.

А над ней – богиней, есть я – бог.

Я презираю женщин. А презираемые не вызывают ни любви, ни уважения, ни сочувствия. Они способны только подчиняться.

Я вздрагиваю, потому что неотрывно смотря на Калу, не заметил, как ко мне подошел жрец.

Мефис что-то долго говорит.

Я плохо слышу. Делаю знак, чтобы он наклонился ко мне еще ближе. На его лице словно тень мелькает удивление. Он не знал, что мне настолько плохо. И я понимаю, что выдал себя.

Я собираю в кулак всю волю.

И слышу страшную правду.

– Жрецы недовольны.

– Чем?

– Они считают, что ты очень устал, а твой старший сын Рамзес еще не готов стать фараоном.

Я презрительно фыркаю.

– Жрецам не дано это знать.

– Замени Рамзеса, или выбери для него наставника.

– Им не дано...

Сильная головная боль на мгновение лишает меня дара речи.

Как же я немощен, если позволяю Мефису так разговаривать с собой, а жрецам выбирать фараона! Выбирать для себя бога!

Начинают пощипывать глаза, в горле появляется ком.

Вот теперь и он себя выдал. Первый заговорщик. Но предатель ли? Не хочу верить. Неужели он считает меня настолько беспомощным и выжившим из ума, что ввязался в глупый заговор? Я верю в его добрые намерения спасти мое царство от меня самого. Но почему это должно быть сделано ценой моей жизни? Ах, Мефис, Мефис...

Я сжимаю кулаки.

– Уходи.

Но Мефис не сдаётся

– Выслушай меня внимательно. Мы давно знаем друг друга. Позволь дать тебе хороший совет. Ты слаб, а жрецы сильны. Как ты думаешь, кто победит?

Я его понимаю: он по-доброму хочет уговорить отречься от трона. Он так и не понял, тот, кто пригубил чашу власти, уже никогда добровольно не откажется от неё. Он так и не понял, тот, кто живет и дышит властью, никогда не позволит отобрать ее.

Мы молча смотрим друг на друга.

Он со мною с детства.

Он не раз спасал мне жизнь.

А я ему.

Мы вместе строили канал.

Вместе смотрели на звезды.

Вместе создавали рукотворную летающую птицу.

А теперь я убью его.

Проклятая жизнь!

Мефис осторожно прикасается к моему плечу, его красивые тонкие губы трогает мягкая улыбка.

Мне становится страшно.

Он понял. Он все прочел в моих глазах. Слишком хорошо мы знаем друг друга.

В самом конце не он меня, а я его предал.

– Ты всегда был иным Рамзес, не таким, как другие. Помнишь, что перед смертью сказал тебе наставник?

Я киваю и чувствую, как по щекам бегут слезы.

– Ты мог быть свободным.

В его глубоком взгляде печаль и обеспокоенность. Даже сейчас, когда я решаю его судьбу, он тревожиться за меня. Мефис тихо шепчет, так чтобы только я мог его услышать.

– Ты сам себя погубил. Но до конца моих дней, ты для меня возлюбленный друг. И если ты добровольно отрекся от себя и встал на путь мести, то я не имею права отказываться от тебя. Прости меня. И прощай.

Я вижу удаляющуюся фигуру. И рука невольно тянется вслед за его белыми одеяниями.

Но вокруг пустота.

В конце зала стоит Кала и дети. Номарх с любопытством и страхом смотрит в мою сторону. Но сейчас мне безразлично, что я не один. Увы, им придется ответить за мою слабость. И я плачу, словно малое дитя, безудержно и тихо, и все никак не могу остановиться.

Рядом Пафнутий, он вытирает мне лицо. Его глаза опущены, но я знаю – он не трус.

Это он держал моего отца, когда я душил его. За свое молчание он заплатил языком. Его отрезали.

И он простил. И в этой жизни перестал чего-либо бояться.

Слуга простил бога.

И я смирился с этим.

Потому что люблю.

Наконец волнение проходит. Меня охватывает сильная усталость.

Я делаю знак Пафнутию, чтобы он вернул Мефиса.

Он вопросительно смотрит на меня.

Я тихо шепчу:

– Я справлюсь с ним.

Пафнутий уходит.

И я становлюсь одиноким.

Я наблюдаю, как Ипувер медленно и осторожно подходит ко мне. В его походке грация и легкость, но в то же время готовность хищника к прыжку.

Ипувер опасный, хитрый и коварный враг. Он нутром чувствует слабость трона.

Я смотрю, как он склоняется передо мной, и перехватываю его взгляд полный смирения и покорности. Но наставник научил меня читать человеческие сердца. Его сердце снедает жажда власти. Той власти, от которой зависит всё, и подчиняется всё. Той власти, при которой ты безнаказанный вершитель любых деяний и человеческих судеб.

Тихим голосом Ипувер говорит о тяжелом положении наших крепостей на границе с Нубией. Давно не выплачивается жалование, плохо с продовольствием. Может начаться восстание. Нужно срочно что-то предпринять.

Я тяжело вздыхаю, лениво рассматриваю его плиссированную юбочку и роскошный, изготовленный из драгоценных камней воротник. Как же мне противен этот коварный и подлый заговорщик! Когда я был здоров и силен, он боялся поднять голову, теперь, как и все остальные черви пытается ближе подползти к моему трону. Он хочет быть сыном Амона – Ра! Он сошел с ума, как и весь Кемет, который жаждет моей смерти!

– И еще, – Ипувер делает многозначительную паузу, – знать беспокоится, неужели Вечноживой назначит Рамзеса наследником? Быть может его Величеству стоит...

Я прерываю номарха взмахом руки.

Ипувер терпеливо ждет, но я знаю, в его опущенных глазах полыхает злорадство и ненависть.

Я делаю над собой усилие и стараюсь отчетливо и повелительно произнести:

– Знать, не должно волновать мое решение, которое будет учитывать интересы всего моего царства. К тому же, у знати совершенно нет оснований беспокоиться по этому поводу.

Ипувер склоняется в поклоне и бесшумно уходит. Я заво-
рожен его походкой. Кошачья грация...

Резкая боль сдавливает грудь. Темнеет в глазах.

Я сдерживаю стон.

Среди этих людей мне некого позвать.

Ко мне никто не подойдет.

Они боятся.

Когда-то и я был на их месте.

Но не боялся.

Кала подводит ко мне старшего сына Рамзеса.

Мне больно на него смотреть и я прикрываю веки.

Слабый, трусливый и хилый, вызывающий только жалость и сочувствие. Он никому не нравится. Как я мог породить такое ничтожество? Иное дело мой второй сын. Будущее за ним. Но между ним и троном стою не только я, а еще и брат. Что ж, я окажу ему небольшую услугу. Но мне не хочется, чтобы он об этом знал. Мое искреннее желание, чтобы Тутмос не был на меня похож. Молодые и неопытные не способны противостоять сладкому яду власти. И уже в который раз Мефис прав, я сам себя погубил. Мне всегда казалось, что я повелитель, но на самом деле мной повелевали мои пороки и страсти. Это самая горькая правда, которую я от всех скрываю.

Боль проходит, и я открываю глаза.

Рамзес испуганно смотрит на меня.

И впервые мне хочется искренне ему улыбнуться.

Он пугается еще больше.

И мне становится смешно. Смех, словно кость, застревает в горле, я надсадно кашляю и начинаю задыхаться.

Я смутно вижу, как схватив Рамзеса за руку, Кала выводит детей из моих покоев.

Она убегает, чтобы скрыть свою радость.

Дура!

Униженные и покоренные на большее и не способны.

Ах, какая боль! Какая страшная боль!

Возле меня суетится лекарь и его помощники. Но я вижу лишь мелькающие тени...

Боль.

Темнота.

Провал.

* * *

На особом возвышении, которое символически превозносило над смертными, царская чета восседала в креслах с высокими резными спинками, инкрустированными золотом, серебром, бирюзой, сердоликом и лазуритом. Возносясь над всеми, гордые и высокомерные, они внушали подданным трепет и беспрекословное послушание. Супруги были

одеты в роскошные праздничные одежды, кожаные сандалии, подошва которых, также как и ремешки, были из золота. Праздничное одеяние дополнял искусно заплетенный парик, а также всевозможные драгоценные украшения, ожерелья, нагрудные подвески, браслеты. Все должно было подчеркивать божественную суть, величие и превосходство царской четы над смертными. Пиршество предназначалось исключительно для придворных, неоднократно доказавших верность и преданность фараону.

Рамзес праздновал военную победу над морскими народами. Еще принцем, он мечтал о войне и военных победах, так все и произошло. Любая военная кампания завершалась стремительной и кровавой победой. Фараон лично участвовал в сражениях, лично набирал солдат в армию, кушал и спал вместе с ними в походах. Придворные воспринимали это как чудачество, что не мешало им сколачивать целые состояния на завоеванных землях.

Само празднество длилось двадцать дней. А так как фараон желал, чтобы его радость поделил и простой народ, на городских площадях организовали представления и угощения.

Фараон-победитель. Фараон-завоеватель. Так воспевали Рамзеса в новых гимнах сочиненных жрецами из Гелиополиса. Долгожданная победа над морскими народами, после неудачной военной кампании предпринятой отцом-фараоном много лет назад, стала народным праздником.

Наверное, единственным человеком, кто испытывал разочарование от столь радостного события, была Кала, божественная супруга фараона. Неприятной неожиданностью стало для нее возвращение мужа во дворец, да еще победителем!

Весть о его ранении поселила в сердце Божественной радость, и возродило, угасшую надежду. В мечтах она рассчитывала на смертельный исход ранения, но вот уже третий раз дыхание Анубиса лишь коснулось фараона. Будто кто-то берег его от несчастий и бед. Это была еще одна потерянная надежда, горькие слезы, тоска и печаль. Но ничто из того, что испытывала Кала, не отражалось на ее прекрасном и божественном лице. Прямая спина, гордая посадка головы, холодный и надменный взгляд. Веселье и радость гостей, ликование мужа, все проходило сквозь нее. Она словно окаменела изнутри, как много лет назад, после первой супружеской ночи любви, когда Рамзес насильно ею наслаждался, не обращая внимания на крики, слезы и мольбы о пощаде. Словно чужая сама себе, вышла она из тех ненавистных покоев, закутываясь в простыни окропленные ее девственной кровью. Первый год супружеской жизни прошел в полном молчании, только после рождения первенца, Кала вновь обрела способность говорить.

Случайно рука фараона коснулась ее руки. Кала внутренне вздрогнула, и напряглась, она уже и сама не знала чего ожидать, находясь рядом с этим животным. Так про себя на-

зывала она мужа. Любое его прикосновение, даже случайное, вызывало в ней отвращение и протест. Но долгие годы супружеской жизни научили скрывать чувства и мысли. Это ценное умение было необходимо ей для задуманного опасного дела. Неудачный исход которого означал только одно – смерть. Но жажда мести, плохой советчик в любом преступлении, затмевала ей разум. Кала была одержима ненавистью и, все остальное для нее не имело значения. Даже власть и один из ее символов – корона, она желала не для себя, а для своего любимца, первенца Рамзеса. Это ненавистное имя дал ему фараон, и Кала смирилась, как и со многим остальным в своей жизни. Втайне от мужа, она дала сыну, зачатому в боли и страхе, имя Сесотрис. Для нее самой была загадка ее страстная привязанность к первенцу и холодное безразличие к остальным детям. Но на самом деле ничего загадочного в этом не было. Все, что не любил и ненавидел фараон, у царицы вызывало привязанность и умиление. Но выступать открыто против воли фараона и его желаний Кала боялась. Она предпочитала действовать скрытно и мстить тайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.